

Глава седьмая

— Это... «Зелёная опора»?

Мужун Са осторожно коснулся инструмента, лежащего на подставке. В его взгляде проскользнуло изумление, смешанное с тоской по былым временам.

— Вы знакомы с этим цинем? — удивился Тянь Цаньцюэ. — Я ведь выбрал его наугад, первый попавшийся...

— Нет... пустяки, — Мужун Са замолчал, бережно оглаживая пальцами знакомую резьбу на деревянном корпусе.

В прежние годы слава об этом древнем цине гремела по всей Поднебесной едва ли не громче, чем легенды о виртуозной игре самого Мужун Са.

— Слушай внимательно, — негромко произнес Мужун Са. Сбросив наваждение, он положил ладони на струны.

Он глубоко вздохнул. Пальцы едва заметно дрогнули, и из-под них полилась чарующая россыпь звуков — чистая и звонкая, словно журчание горного ручья, пробивающего себе дорогу сквозь камни. Вскоре темп ускорился. Мелодия заиграла живыми красками, защебетала весенней свирелью, улаждая слух сладостным птичьим многоголосьем. Постепенно она ширилась, наполнилась жизнью: в ней угадывались и звонкие переливы соловья, и мерный шепот бегущей воды — всё сливалось в единую картину первозданной гармонии.

Вдруг тональность резко переменялась. Идиллия растаяла без следа, словно отражение луны в потревоженной воде. На смену тишине пришел грозный гул битвы. В низких, рокочущих аккордах зазвучал топот копыт и свист летящих стрел. Перед глазами заплясали багровые сполохи заката над залитым кровью полем боя, а глухие удары струн резали воздух, точно сталкивающиеся в яростной схватке клинки. Музыка взмывала всё выше и яростнее. Грохот боевых барабанов, лязг стали и предсмертные крики воинов сплелись воедино, отзываясь в самой глубине души сокрушительной дрожью.

Но на самом пике этой безумной бури, когда пальцы мелькали над декой безудержным вихрем, музыка оборвалась. Внезапно и беззвучно.

В повисшем безмолвии зародился новый мотив — неторопливый, глухой и исполненный щемящего одиночества. Так доживает свои дни уставший, всеми забытый воин. Мелодия медленно угасала, пока не растворилась в пустоте, оставив после себя лишь эхо былого величия.

Тянь Цаньцюэ сидел не шевелясь. Зачарованный этой игрой, он никак не мог прийти в себя.

Прося Мужун Са сыграть, юноша руководствовался простой мыслью: как только тот окончательно поправится, то сразу же покинет подземелье, и учить его музыке у беглеца точно не возникнет желания. Использовать спасение как предлог для шантажа Тянь Цаньцюэ не хотел. Вдобавок им двигало чистое любопытство — безумно хотелось узнать, каково это на самом деле, когда мастерство называют непревзойденным.

Но реальность превзошла любые ожидания. Он и представить не мог, что музыка способна коснуться самых потаенных глубин человеческой души.

«Надо же... Оказывается, музыка и правда может быть настолько совершенной».

Тянь Цаньцюэ прошептал это едва слышно, всё еще пребывая в оцепенении.

— Понравилось? — негромко спросил Мужун Са, мягко опустив ладонь на затихшие струны.

— Если бы это было возможно, я слушал бы тебя всю жизнь... — вырвалось у Тянь Цаньцюэ прежде, чем он успел вернуть самообладание.

Осознав всю двусмысленность и неловкость сказанного, он смущенно кашлянул и поспешил исправиться:

— Я просто никогда раньше не думал, что цинь может звучать так прекрасно.

Мужун Са лишь молча тронул струну, заставив её тихонько отозваться.

Посидев еще немного и поняв, что собеседник не настроен на разговоры, Тянь Цаньцюэ поднялся и вежливо распрощался.

Выйдя из сырого полумрака темницы, он горько усмехнулся.

«Куда мне до него... — тоскливо подумал юноша. — Даже если я буду упражняться день и ночь ближайшие десять лет, мне не приблизиться к его мастерству и на полшага».

Тянь Цаньцюэ тяжело вздохнул, и на душу его легла мрачная тень. Ведь всего через месяц с небольшим ему придется предстать перед Тянь Исюанем.

С того памятного дня прошло чуть больше десяти суток. И тогда в подземной темнице объявился незванный гость. Вернее, тот, кому это место принадлежало по праву.

— Гляжу, устроился ты тут со всеми удобствами, — раздался тихий, вкрадчивый смешок, и в каменную палату неторопливо вошел Тянь Исюань.

— Тянь Исюань, — холодно процедил Мужун Са, едва услышав знакомый голос. Взгляд его мгновенно заledenел.

— Что такое? Руки и ноги зажили, а ты всё еще здесь? Неужто так привязался к этим голым стенам? — с ядовитой усмешкой спросил Тянь Исюань, небрежно осматривая камеру.

— Вовсе нет, — голос Мужун Са вдруг стал вкрадчиво-мягким. — На самом деле мне жаль расставаться... с тобой.

Не успели затихнуть последние слова, как его широкий рукав резко взметнулся. Невидимый, но смертоносный поток истинной ци со свистом полетел прямо в лицо Тянь Исюаню.

Тот успел уклониться в самый последний миг, слегка качнув головой, однако острая воздушная волна всё же задела его. На бледной щеке проступила тонкая алая полоса. Почувствовав жжение, Тянь Исюань неспешно прикоснулся к порезу кончиками пальцев, похожих на полированный белый нефрит.

— Пять лет разлуки пошли тебе на пользу, старший брат. Твое мастерство стало еще совершеннее, — произнес Тянь Исюань, разглядывая кровь на пальцах. Он поднял взгляд и столкнулся с глазами Мужун Са — глубокими, темными, похожими на бездонные омуты. Заметив это, он искренне удивился: — О надо же, и зрение к тебе вернулось? Не ожидал...

— Чего именно ты не ожидал? — бесстрастно отозвался Мужун Са.

Одним коротким движением руки он заставил лежавший поодаль меч взлететь прямо ему в ладонь. Пальцы крепко сжали рукоять.

— Самое время свести счеты за всё, что произошло пять лет назад, Тянь Исюань, — прищурился он, буравя врага тяжелым взглядом.

— К чему такая спешка? Разве я похож на того, кто собирается сбежать? — ничуть не испугавшись угрозы, Тянь Исюань преспокойно уселся на единственный свободный стул.

— Глава Дворца Поднебесной славится своим коварством. Мне ли этого не знать, — с ледяной иронией бросил Мужун Са.

— Зачем же так официально? В конце концов, когда-то мы были названными братьями, — тихо рассмеялся Тянь Исюань, и в его глазах промелькнула фальшивая ностальгия.

— Братьями? — при одном упоминании об этом Мужун Са захлестнула волна ярости. Его аура стала обжигающе холодной. — Я никогда и ни в чем не ущемлял тебя, Тянь Исюань! Так ответь мне: почему, когда я пришел к тебе как к другу, ты подсыпал мне яд в вино и перерезал сухожилия на руках и ногах?!

Тянь Исюань лишь беззаботно улыбнулся и развел руками, словно оправдываясь:

— Понимаешь, мне предложили очень круглую сумму за то, чтобы ты погостил у меня подольше. А у твоего младшего брата тогда как раз пели романсы в кошельке... Ты ведь всегда меня баловал, старший брат. Неужели тебе жалко было немного помочь мне в трудную минуту?

От такого бесстыдства лицо Мужун Са исказилось от гнева, а на пальцах, сжимавших эфес меча, побелели костяшки. Заметив это, Тянь Исюань резко переменял тему разговора.

— Послушай, старший брат, а как тебе Тянь Цаньцюэ? Мой дражайший сын...

Произнося эти слова, он не выказал ни капли отеческой теплоты. На его губах играла лишь издевательская, глумливая усмешка — так говорят об изрядно надоевшей, но забавной безделушке.

Услышав имя юноши, Мужун Са промолчал, однако гнев в его взгляде едва заметно утих.

— Интересно, что же произойдет через месяц... — протянул Тянь Исюань и мечтательно прищурился, будто предвкушая захватывающее зрелище.

Мужун Са мгновенно вспомнил признание юноши: если тот не выполнит требование отца, ему сломают руки. И то, что в последние дни Тянь Цаньцюэ упорно избегал разговоров об уроках музыки, теперь предстало совсем в другом свете. Сердце Мужун Са болезненно сжалось от противоречивых чувств.

Но он быстро взял себя в руки и процедил сквозь зубы:

— Тянь Исюань, даже дикие звери не пожирают собственное потомство. Ты хуже твари бессловесной.

— Премного благодарен за комплимент, старший брат, — с обворожительной улыбкой отозвался тот.

— Что ж, — горько усмехнулся Мужун Са и с сухим стуком вернул клинок в ножны. — Будем считать, что эти пять лет я просто провел в одном хлеву со скотиной. Но запомни, Тянь Исюань: не попадайся мне больше на глаза. Иначе ты горько пожалеешь.

Он слегка шевельнул пальцем, и от каменного ложа, словно кусок мягкого сыра, беззвучно отвалился тяжелый угол.

— Счастливого пути, старший брат, — небрежно бросил ему вслед Тянь Исюань.

В глубине его глаз промелькнул зловещий, торжествующий огонек.

«Прощаешься навсегда? О нет, не беспокойся... Мы очень скоро встретимся снова».

<http://bllate.org/book/19906/2038093>